

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ МОНГОЛИИ

ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК VIII

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2015

Главный редактор:
доктор исторических наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Л.Н. Ермоленко**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов**;
доктор исторических наук **Т.Д. Скрынникова**;
доктор философских наук **О.М. Хомушку**;
доктор исторических наук **Л.И. Шерстова**;
доктор исторических наук **С.А. Яценко**

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. VIII. – 316 с.: ил.
ISSN 2307-4671

В журнале представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

Издание подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2015

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL AND RELIGION
SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION
HOVDSKIY STATE UNIVERSITY
MINISTRY OF EDUCATION, CULTURE AND SCIENCE OF MONGOLIA

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VIII ISSUE

Barnaul – 2015

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences);
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences);
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences);
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences);
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences);
S.A. Yatchenko (Doctor Historical Sciences)

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2015. – VIII issue. – 316 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Вадецкая Э.Б.</i> Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры.....	7
<i>Дашиковский П.К.</i> Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II.....	20
<i>Илюшин А.М.</i> Кенотафы и полуkenотафы в культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.....	29
<i>Кожя М.Б.</i> Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса	34
<i>Король Г.Г.</i> Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой торевтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая.....	47
<i>Миягашев Д.А.</i> Окуневские святилища в контексте изучения культовых мест Сибири.....	63
<i>Мунхбат Д.</i> Первые формы религиозных верований, возникших среди древних монголов	73
<i>Нуржанов А.А., Муратова С.Е.</i> Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI–XIII вв.).....	79
<i>Рыбаков Н.И.</i> Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея: VIII–X вв.	93
<i>Сериков Ю.Б.</i> Мегалитические культовые объекты древнего Урала	101
<i>Терновая Г.А.</i> К вопросу о культе огня в погребально-поминальной обрядности средневековых жителей Семиречья (по материалам археологии).....	122

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Традиции охраны и сбережения водных ресурсов у туркмен.....	138
<i>Гельдыниязова О.А.</i> Символика казана у туркмен	152
<i>Монгуш М.В.</i> Христианские общины Тувы: краткий очерк	159

<i>Осмонова Н.И.</i> Слово как символ в традиционной культуре кыргызов	175
<i>Тишков Ю.В.</i> Святилище «Семь менквов» в мифологических представлениях народа манси	189
<i>Ямаева Л.А.</i> Реликты доисламских верований в погребальной обрядности башкир	202

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Брежнева С.Н.</i> Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империей в Туркестане.....	211
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Православные школы в сельской общественной жизни Алтая конца XIX – начала XX в.	223
<i>Дашковский П.К., Зиберт Н.П.</i> Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х – начале 1980-х гг.	230
<i>Дашковский П.К., Шершинева Е.А.</i> Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	242
<i>Жанбосинова А.С.</i> Кампания по изъятию религиозных ценностей в 20-е гг. XX в. как метод борьбы с культом	264
<i>Кацаева М.В., Белецкий А.Ю.</i> Состояние католических общин на Алтае в конце XIX – XX в.	276
<i>Почекаев Р.Ю.</i> От тамги к закяту. Торговые налоги в Средней Азии: между религией и правом (от державы Тимуридов до протекторатов Российской империи)	283

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

<i>Руденко К.А.</i> Рецензия на книгу: Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии	294
---	-----

Раздел V. ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

<i>Дашковский П.К.</i> Вторая международная научная конференция «Религия в истории народов России и Центральной Азии» в Барнауле	302
Список сокращений	307
Сведения об авторах	309

Г.А. Терновая

Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы

**К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ ОГНЯ
В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕМИРЕЧЬЯ
(по материалам археологии)**

Цель исследования – определение функционального назначения и предполагаемых архитектурных форм памятника IX–X(XI) вв., вскрытого в окрестности средневекового города Кулан на территории Юго-Западного Семиречья (Жетысу). Внутри постройки зафиксирована кольцевидная суфа, в центре которой отмечены следы огня, возжигаемого длительное время. Для решения поставленных задач привлекаются сооружения, связанные с погребально-поминальной обрядностью и культом огня из Семиречья, Южного Казахстана и Средней Азии. Памятники рассматриваются в исторической ретроспективе с первых веков нашей эры до этнографического времени. Культ предков составляет основу всех религий, он ведет начало от поклонения останкам умерших. Этнографические материалы демонстрируют наличие реликтов в погребально-поминальной обрядности, сохранившихся в некоторых местах Средней Азии и Казахстана, несмотря на приход ислама. Примером служат «дома для духов предков», которые встречаются в ряде районов до настоящего времени. Изучение погребальных сооружений является продуктивным для выяснения некоторых особенностей домовульманских религий и ислама.

Ключевые слова: Казахстан, Семиречье (Жетысу), Средняя Азия, культ огня, культ предков, святилище, купольные постройки, культовая архитектура, обряд, традиции.

Семиречье (Жетысу) – крупный регион Казахстана с традициями, идущими из глубины веков. Памятники археологии свидетельствуют о чрезвычайно развитом культе предков. На погребально-поминальную обрядность оказывала влияние религиозно-мифологическая система. Некоторые элементы и обычаи обрядовой практики, сложившиеся в глубокой древности, прослеживаются по археологическим материалам периода раннего ислама и этнографическим данным до настоящего времени.

В средние века на территории Юго-Западного Семиречья, точнее Тараза, располагался г. Кулан, который отождествляется с городищем Луговым. Кулан упоминали арабские авторы: Ибн Хордадбех (IX в.), Кудама и Ал-Макдиси (X в.), Ибн ал-Асир и Якут (XII–XIII вв.). Ал-Макдиси писал, что этот город находился на большой таразской дороге (Ибн Хордадбех, 1986, с. 65, 180–181; Бартольд В.В., 1963, с. 230; Волин С., 1960, с. 74, 76, 82–83).

В окрестности Кулана, юго-восточнее 1300 м от центральной части городища и на расстоянии 200 м от архитектурного комплекса Луговое-Г, археологами был исследован объект (рис. 1.-1), определенный как святилище огня (Нуржанов А.А., Терновая Г.А., Ақымбек Е.Ш., 2014).

Первоначально это был бугор размером 27×20 м, высотой 1,8 м. Площадь раскопа 14,2×13,3 м, глубина 2 м. После снятия дернового слоя и углубления на 1,5 штыка оконтурилась кольцевая конструкция суфы из сырцовых кирпичей шириной 0,7–0,8 м. Зачистка боковой части суфы выявила размер кирпичей в кладке – 40×18 см. Диаметр наружной части кольца из-за плохой сохранности не был полностью определен, внутренний диаметр 6,5×6,5 м, высота около 25–30 см. В центральной части круга проступил обожженный след овальной формы (0,5–0,6 м) от длительного горения огня. При дальнейшей расчистке памятника была обнаружена оплывшая подпрямоугольная конструкция стен плохой сохранности, сложенных из сырцовых кирпичей. Расстояние от стен до края кольцевидной суфы – 0,8–1 м. В сооружении прослежено два строительных горизонта. Дорожка-пандус (2,7×1,7 м, высотой 0,5 м) подводит к юго-западной стене постройки. Она сложена из плит красного гранита и сырца, имеет уклон 8°. Участок, окруженный суфой, заполнен красным песком. Ниже обнаружен пол с глиняной обмазкой. Прокаленное пятно зольника, расположенное в центре, уходит ниже уровня пола. В северо-восточной части помещения найден жернов диаметром 31 см, толщиной 4 см. В заполнении пространства, окружающего суфу с внутренней и внешней стороны, собрано незначительное количество фрагментов бытовой керамики (котлов). При расчистке северо-восточной части стены была найдена хумча с отогнутым венчиком, покрытая светлым ангобом, заложена кирпичом и плитняком. На отогнутом венчике до обжига были нанесены изображения четырех крестов прямого начертания. Знаки расположены по кругу крестообразно. В заполнении сосуда – зола, смешанная с грунтом. Северо-западнее, на расстоянии 20 см от хумчи обнаружены фрагменты крупного раздавленного котла.

В центральной части помещения, на площади, окруженной суфой, был заложен стратиграфический шурф 2,2×0,5 м, глубиной 0,6×0,95 м. В результате обнаружен нижний пол с сильно обгоревшим слоем, толщина зольного слоя составляет 40 см. На всю глубину шурфа в заполнении был зольник. Памятник на основании керамических находок датирован IX–X вв. К датирующим признакам относится также оформление дорожки гранитными плитами красного цвета. Подобными плитами в (IX)X–XI вв. был устлан двор с водоемом в архитектурном комплексе Луговое-Г (Нуржанов А.А., Терновая Г.А., Ақымбек Е.Ш., 2014).

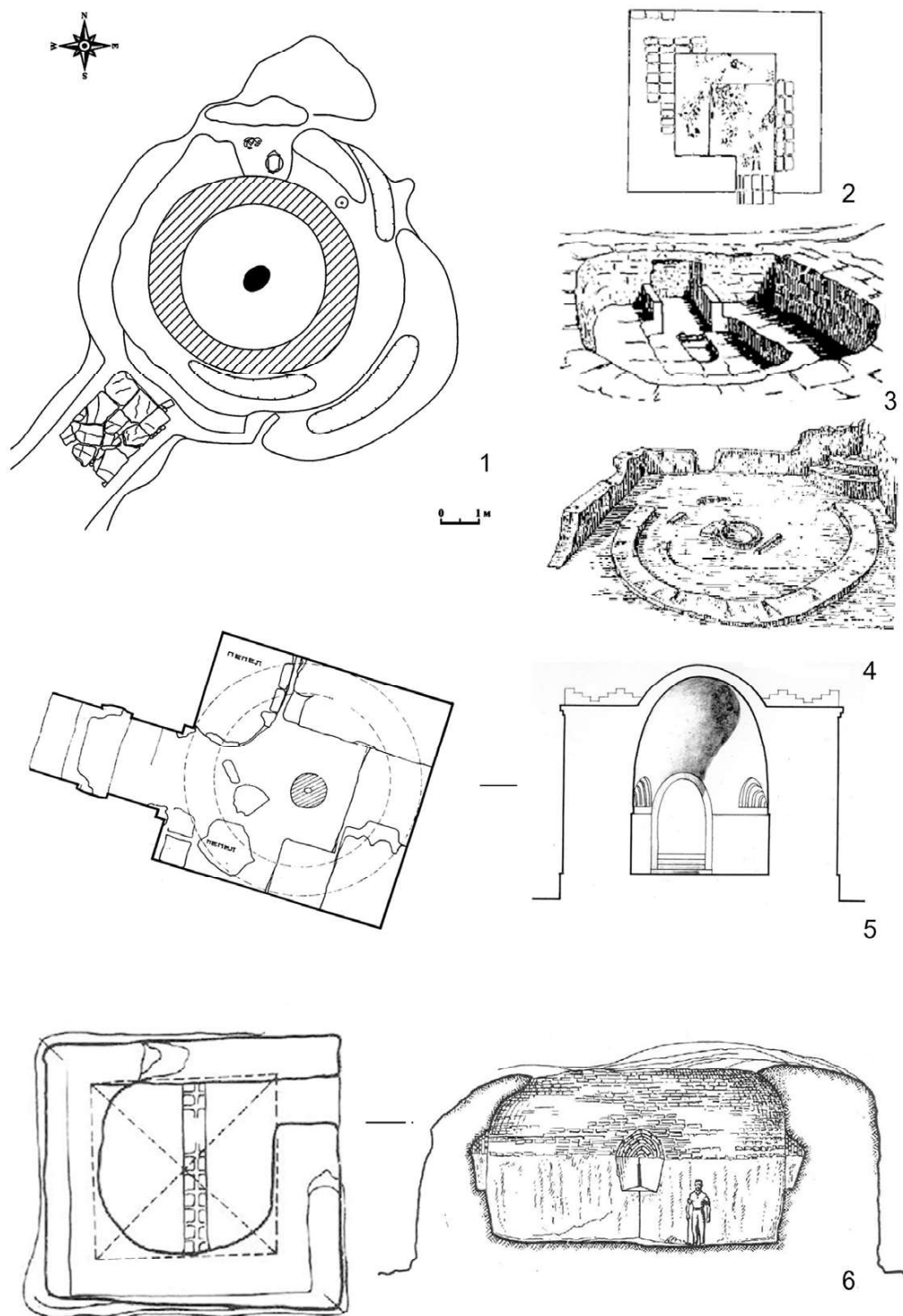

Рис. 1. 1 – план святилища огня в пригороде Кулана (Нуржанов А.А., Терновья Г.А., Акымбек Е.Ш., 2014). Памятники джетыасарской культуры (по: Л.М. Левиной): 2 – план склепа кургана №4 некрополя Бедаик-асар; 3 – склеп второго типа кургана №3 некрополя Алтынасар-4а; 4 – общественное помещение в жилой секции верхней площадки городища Томпак-асар). Святилища огня в Хорезме (по: Е.Е. Неразик); 5 – купольное сооружение в Якке-Парсанском оазисе (план и реконструкция); 6 – купольное сооружение №115 в Беркут-Калинском оазисе

Так как вскрытая культовая постройка с оплывшими стенами не имеет прямых аналогий на территории Казахстана, для восстановления архитектурного облика, обряда и общего значения памятника возникла необходимость привлечения данных с сопредельных территорий, рассмотрения культовых объектов Семиречья, Южного Казахстана и Средней Азии в исторической ретроспективе с первых веков нашей эры до этнографического времени.

Квадратное в плане сооружение в пригороде Кулана предположительно было перекрыто куполом. Длина оплывших стен по периметру – 8,5–9 м. Прослеживается связь с памятниками предшествующего периода – склепами и культовыми помещениями джетыасарской культуры (рис. 1.-2–4). Подземные и наземные подкурганские склепы джетыасарцев функционировали уже в середине I тыс. до н.э. В джетыасарских склепах на полу камеры всегда разжигался огонь или в виде кострища, от которого оставались прокаленные пятна обмазок и зола (первый и третий типы склепов), или в виде специально встроенных в центральной части напольных очагов (второй тип склепов). Для второго типа склепов (полуподземных), бытовавших с конца III–IV вв., характерны подквадратная в плане форма; кладка стен с «наплывом» кирпичей вовнутрь камеры, образующим перекрытие в виде «ложного купола»; расположение входа в центре южной стены; суфы вдоль всех или трех стен камеры; наличие центрального напольного очага. В камерах полуподземных склепов была найдена керамика, датированная IV–VI и VI–VIII вв. Форма напольных очагов являлась уменьшенной копией центрального напольного очага основного помещения жилой секции. Очаги имели круглую, прямоугольную и нишеобразную форму (Левина Л.М., 1996, с. 370–371).

Аналогии круглой, кольцевидной в плане суфы, находящейся внутри святилища Кулана, встречаются в культовых помещениях джетыасарцев (рис. 1.-4). Наличие на площади одной из жилых секций крупного по размерам культового или общественного помещения прослеживается на протяжении всего времени бытования джетыасарской культуры в регионе, т.е. по VIII–IX вв. В центре помещений находился глубокий очаг, а вокруг него, занимая большую территорию помещения, – суфа, часто круглая в плане. Очаги повторяют форму очагов в основных жилых помещениях. Они округлые с пристроенной трапециевидной площадкой, на которой расположены два усеченно-пирамидальных выступа (Левина Л.М., 1996, рис. 30).

В неоднократных передвижениях на запад, на юг и юго-восток представители джетыасарской культуры приносили с собой не только

керамику, инвентарь, строительную технику, но и свои обычаи, в том числе типы погребальных сооружений. В качестве примера приводятся аланские каменные склепы Северного Кавказа и сырцовые погребальные сооружения Южного Казахстана (Левина Л.М., 1996, с. 89).

Пахсово-сырцовые наземные склепы относятся к основным типам погребальных сооружений Борижарского некрополя на средней Арыси. Почти 90 наземных погребальных построек исследовано на некрополях раннесредневековых городищ: Жунтобе на левом берегу Арыси, Шага и Сидак в Туркестанском оазисе. В среднесырдарьинском регионе склепы датируются периодом IV–VIII вв. Исследователи предполагают, что архитектурная форма наземных склепов в двух вариантах (прямоугольных и округлых в плане) появляется здесь в сложившейся форме. Предтечей являются курумы горных областей и склепы джетыасарской культуры. В период V–VIII вв. наземные склепы не являлись единственным типом погребальных сооружений в регионе, но в количественном отношении это был ведущий и наиболее распространенный тип погребальных сооружений, и связанный с ним тип погребального обряда господствовал в среде городского и оседло-земледельческого населения Южного Казахстана (Максимова А.Г., 1974; Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., 2005, с. 139, 141, 146–148).

В археологической и востоковедческой литературе зороастрийские погребальные сооружения – сырцово-пахсовые склепы принято называть наусами (Борисов А.Я., 1940). Археологические материалы Средней Азии и Казахстана подтверждают данные персидских и арабских письменных источников о существовании наусов. Самые ранние согдийские наусы относятся к V–VI вв. По мнению исследователей, сочетание в некоторых наусах трупоположения и захоронения костей в оссуариях свидетельствует о том, что они выполняли функции дахмы – места выставления трупов и астодана – костехранилища (Дальверзинтепе..., 1978, с. 112–113; Горячева В.Д., 1989, с. 95; Распопова В.И., Шишкина Г.В., 1999, с. 76; Шишкина Г.В., 1999, с. 76; Мейтарчян М.Б., 2001, с. 70–82).

На территории Семиречья захоронения в наусах открыты на городском кладбище Джамуката. Здесь же находились захоронения костей в хумах и скопления костей. В результате исследования городского некрополя Краснореченского городища В.Д. Горячева заметила, что большинство наусов подтверждает бытующую гипотезу о возможности совмещения в зороастрийских наусах функций дахм и вместилищ костей, наус одновременно мог совмещать функции ката

и дахмы (Горячева В.Д., 1989; Байпаков К.М., 1999; Байпаков К.М., Горячева В.Д., 1999, с. 159).

При некрополях для совершения обрядов поминовения и жертвоприношения находились небольшие святилища, ритуальные площадки и специально вырытые ямы для захоронения костей жертвенного животного, остатков жертвенных костров и тризн. Святилище VII в. на Краснореченском некрополе представляло собой двухкамерное сооружение (6×4,3 м), сложенное из пахсы и сырца. Вдоль трех стен располагались широкие суфы, покрытые ганчем. В центре – небольшой постамент для жертвенника с огнем. В углу тамбурного помещения находилась яма с золой и угольками, небольшим количеством закопченной керамики, чередующимися со слоями песка и лёсса. С запада к святилищу примыкало помещение, где стены и полы были прокалены на большую глубину. Здесь зачищены остатки очагов, кухонной посуды и костей животных (Байпаков К.М., Горячева В.Д., 1999, с. 159).

В Чаче исследован комплекс VI–VIII вв. на цитадели Актепе Юнусабадское, связанный с заупокойным культом. Центральное купольное здание, видимо, выполняло функции храма-мавзолея, суфы которого предназначались для размещения оссуариев. Рядом находилось святилище огня, включавшее камеру с суфами и полуовальным алтарем и зал для культовых церемоний. Другие помещения предположительно предназначались для поминальных жертв и обитания обслуживавшего храм священнослужителя (Филанович М.И., 1983, с. 109).

Обряд, связанный с очищающей силой огня, зафиксирован на некрополе близ Пайкенда в Бухарском оазисе. Некрополь расположен на всхолмлении и представляет собой цепочку квадратных в плане сооружений – «башенок», которые могли служить семейными дахмами. Подъем к ним осуществлялся по пандусу. В этом комплексе был вскрыт двухкамерный наус. Одна из камер представляла собой продолговатую комнату с суфами вдоль трех стен. Перед началом использования ее в качестве науса на полах и суфах был разведен огонь, после чего помещение было вычищено, а суфа посыпана семенами дикого растения. В этом помещении обнаружены оссуарии и крупные бытовые сосуды, видимо, также содержавшие кости, которые были сброшены с суфы и раздавлены (Распопова В.И., Шишкина Г.В., 1999, с. 76).

Для ряда храмовых комплексов Согда и соседних оазисов было характерно разжигание культового огня прямо на полу святилища или снаружи, вблизи от стен храмов. На Еркургане следы кострищ в виде

сильно прокаленных полов были отмечены в храме III–VI вв. и дворцовом святилище. В храме Еркургана пепел находился на специальной открытой площадке к западу от постройки и периодически замазывался или засыпался глиной (Сулейманов Р.Х., 2000, с. 95, 112–115, 271). Напольные культовые очаги встречаются на памятниках Хорезма, Ферганы и в других местах Средней Азии. Огонь играл большую роль в погребальном обряде и обрядах, связанных с культом предков. В Кайрагаче находился храм предков. Священный огонь возжигался в большом очаге в центре святилища и в трех курильницах, а также в двух больших комнатах на верхней площадке памятника. На площадке около науса открыты следы кострищ, обожженные кости животных, множество разбитых сосудов. Считается, что культ предков ведет начало от поклонения останкам умерших, которое сопровождалось жертвоприношением на кладбищах (Брыкина Г.А., 1998, с. 108, 110–112).

Данные об особенностях религиозных представлений населения Северной Бактрии кушанской эпохи были получены в результате археологических исследований пригородной части городища Кампыртепа, расположенного в 30 км к юго-западу от Термеза. Здесь было вскрыто большое число сооружений, совмещавших погребальные и культовые функции. Они расположены компактными группами к востоку и западу от укрепленной части Кампыртепа (Ртвеладзе Э.В., 1989; 2001).

Э.В. Ртвеладзе (2001, с. 76), проанализировав полученные материалы, предположил, что в восточной группе погребально-культовых сооружений Кампыртепа воплощены три типа зороастрийских погребальных построек (ката, дахма и наус) в сочетании с храмом поминального культа.

Восточная группа сооружений датирована I–II вв. н.э. В 110 м к востоку от крепостной стены городища, за оврагом, расположена лёссовая возвышенность. Здесь вскрыто сооружение прямоугольного плана (66,5×3,0–4,8 м), вытянутое с севера на юг. Оно состоит из трех зданий, возведенных из сырцового кирпича 36×36×12; 40×40×12. Существенной стороной погребального обряда, отмеченного в кампыртепинском сооружении, является наличие здесь культовых очагов и большого числа сосудов, среди которых особо выделяются курильницы и миски, заполненные сгоревшими растениями и плодами (Ртвеладзе Э.В., 2001, с. 72–73, 78).

Существование купольных построек трех типов – ката, наус и святилище огня предполагается по археологическим материалам Хорезма.

С юго-западной стороны донжона замка №36 Беркут-Калинского оазиса находилась перекрытая куполом низкая пристройка, сопос-

тавима, по мнению С.П. Толстова, с катой. Ката – это особое помещение для предпохоронных операций, отделенное от жилых помещений, а также небольшая постройка, где временно помещали труп. Постройку могла заменить временная могила. В разновременных редакциях «Видевдата» временная могила в одном случае названа «ямой», а в другом – «домом» (kata) (Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю., 1997, с. 216–217). В купольном помещении (4,5×4,5 м) замка №36 было три стены, сложенных из сырцовых кирпичей и пахсы, пристроенных к стене замка. Вход в комнату имел вид узкого проема неправильной формы, находящегося у южного угла юго-восточной стены. Вдоль юго-западной стены располагалась узкая кирпичная суфа. Средняя часть комнаты была занята овальной ямой 1,5×1,8 м. Поверх песка была сделана прослойка, состоящая из кирпичей, золы и обугленных прутьев. Выше над ямой и на полу лежал слой, состоящий из соломы, прутьев, овечьего помета, отрезков бревен и палок, комьев глины. По мнению С.П. Толстова, эти слои предохраняли землю от контакта с телом покойника, согласно предписанию «Видевдата» II,5,8 (Авеста..., 2008, с. 157–158). В комнате №3, в северном углу верхнего этажа донжона, были обнаружены прямоугольные алебастровые осуарии на высоких ножках (Толстов С.П., 1948, с. 149).

С точки зрения Е.Е. Неразик, в качестве науса могло использоваться купольное здание №50, находившееся по соседству с замком №36 и построенное не позже начала VIII в. Это однокамерная постройка, наружные размеры которой 7,5×7,5 м, внутренние – 3×4 м. Здание сложено из сырцовых кирпичей и перекрыто куполом. В северной стене был вход, в остальных стенах – ниши с суфами. Это здание, поставленное на невысокий пахсовый цоколь, аналогично купольной погребальной постройке, раскопанной в некрополе Мерва (Неразик Е.Е., 1966, с. 85–89; 1999, с. 41, табл. 9.-9, 10; Кошеленко Г.А., 1966, с. 88–89).

Раннесредневековые склепы-наусы в Хорезме исследованы на некрополе городища Ток-кала, расположенном за стенами поселения VII – первой половины VIII в. На раскопе IV был вскрыт наус №2 – полуподземное двухкамерное сооружение 11×6 м. Следы прохода в стенах отсутствуют. Он мог находиться в верхней части науса, конструкция которой неизвестна. Размеры одной камеры – 3×6 м, второй – 2,7×4,8 м. Камеры были соединены проходом. Стены сложены из сырцовых кирпичей (40×40×10 см) вплотную к обреза котлована глубиной 2 м, вырытого специально для устройства науса. По мнению А.В. Гудковой, полуподземная конструкция наусов может быть свя-

зана с какими-то местными специфическими чертами зороастрийских представлений. Полом служил слой песка, насыпанный в помещение на материке. Выше уровня песка стены были покрыты саманной штукатуркой. В двух камерах обнаружены оссуарные захоронения. В стенах малой камеры для оссуариев специально устроено десять ниш. В большой камере стены сохранились на малую высоту. Здесь возле юго-восточной стены имелось сильно прокаленное пятно – след длительного горения огня (Гудкова А.В., 1964, с. 88–89). По материалам исследования некрополя Ток-калы А.В. Гудкова предположила возможность существования в зороастризме каких-то погребальных обрядов, сопровождавшихся возжением огня. Кроме следов интенсивного горения в большой камере науса 2, она отметила большое количество древесных угольков в заполнении наусов, а также пятно от горения и оссуарий с обожженным черепом в наусе 3 (Гудкова А.В., 1968, с. 223).

Купольная постройка в окрестности средневекового города Кулан по своему назначению имеет сходство с отдельно стоящими зданиями в пригородной зоне крупных городских центров, в которых зафиксированы следы возжигаемого огня. На территории Хорезма в окрестностях Якке-Парсана Е.Е. Неразик было открыто святилище огня – небольшое купольное здание (7×7 м), выстроенное из сырцовых кирпичей в начале IV в. н.э. и функционировавшие до VI в. (рис. 1.-5). Вход в это здание был в южной стене. Купол выложен кольцами сырцовых кирпичей, он опирался на тромпы в виде перспективно уходящих арок. Барабан был расположен низко над полом. По уровню пола здание представляло собой квадрат (3,2×3,2 м), две стороны которого огибала суфа шириной около 1, сложенная из сырцовых кирпичей. В центре помещения на полу находилось прокаленное до ярко-красного цвета пятно диаметром 0,5 м, видимо, отпечаток стоявшего здесь жертвенника огня с округлым основанием. Посредине пятна выгорела ямка, заполненная золой. Золой был занят и весь северо-западный угол помещения, пепел и зола лежали у южной стены, основание которой было опалено, а также поверх неоднократно обновлявшихся обмазок пола, особенно вблизи прокаленного пятна. Установлено, что прокал шел глубоко, и, следовательно, горячий предмет стоял здесь длительное время. Раскопками было установлено, что купольная постройка первоначально представляла собой отдельно стоящее здание. В VII–VIII вв. оно было включено в пахсовый цоколь донжона «замка» №2 таким образом, что верхушка купола оставалась возвышаться над уровнем цоколя не менее чем на 2 м. Купол берегли и, вероятно, относились к нему с особым почтением. Вокруг купола,

образуя широкий обход, располагались помещения донжона. Позднее они были разграничены перегородками, но изначально это были отрезки широкого обходного коридора, непрерывность которого нарушал узкий коридор №2, связанный с подъемом в донжон извне. Кирпичи на вершукше купола были сильно прокалены, что предполагает длительное горение огня, не связанного с пожаром (Неразик Е.Е., 1989; 1999, с. 34, табл. 9.-1–6; 2013, с. 93–96, рис. 28–35).

По мнению Е.Е. Неразик, форма купольного здания имеет сходство с башенными хорезмийскими оссуариями III–IV вв., которые сопоставимы с некоторыми погребальными постройками, известными в Хорезме и его периферии с IV в. до н.э. Предполагается также, что данные оссуарии воспроизводили погребальные сооружения типа распространенных в древности в Приаралье крестообразных сооружений, например, мавзолеей Чирик-рабата (IV–II вв. до н.э.) или относящийся к тому же типу памятник Кой-Крылган-кала (IV в. до н.э. – I в. н.э.) в Хорезме. Открытие купольного здания в окрестностях Якке-Парсана свидетельствует, что подобная архитектурная форма использовалась не только для возведения погребальных построек, но и «храмов огня» (Неразик Е.Е., 2013, с. 95–96; Рапопорт Ю.А., 1971, с. 63).

Еще одним примером существования однокамерных купольных построек, связанных с возжжением огня, является «дом» №115 в Беркут-Калинском оазисе, датированный VII–VIII вв. (рис. 1.-6). Здание 9х9 м построено из сырцовых кирпичей на высоком пахсовом основании. Купол, сохранившийся на высоту 2,2 м, возведен на тропках в виде перспективно уходящих арочек. Общая высота постройки около 5,5 м. В помещении были обнаружены вымостка-подиум и слой слежавшегося пепла. Е.Е. Неразик (2013, с. 97, рис. 36) определила памятник как святилище огня.

В левобережном Хорезме на городище Канга-гыр-кала исследован погребальный комплекс III–IV вв. В юго-западной части крепости на бугре, образованном развалинами комплекса помещений, были замечены черепа, выступавшие над поверхностью. Раскопки, проведенные М.А. Итиной, показали, что они лежат на полу помещения (4,5х5 м), погибшего от огня. В центре находилась прямоугольная вымостка (1,1х1,3 м), сложенная из одного слоя сырцовых кирпичей, покрытых глиняной обмазкой. На поверхности вымостки сохранились следы длительного горения огня. В комнате было найдено 16 черепов и несколько трубчатых костей, лежавших на подстилке из камыша и травы. У середины северо-западной стены обнаружена часть алебастровой маски и обломки скульптуры, являвшиеся частью статуарно-

го оссуария. По мнению Ю.А. Рапопорта (1971, с. 77–79), помещение было погребальным святилищем правителей города.

На городище Куня-Уаз, расположенном в 100 км восточнее Канга-гыр-калы, были раскопаны развалины здания III–IV вв., которое, с точки зрения руководителя раскопок Е.Е. Неразик, было замком правителя. Здесь было открыто сгоревшее помещение (святилище) квадратных очертаний площадью 64 кв. м. В центре комнаты, украшенной некогда росписями, находилась прямоугольная кирпичная вымостка со следами возжигаемого огня. У юго-восточной и юго-западной стен были найдены остатки двух оссуариев, изготовленных из алебаstra. Один из них изображал человеческую фигуру. Вокруг вымостки на полу, поверх травяной подстилки, лежали черепа и кости конечностей. Возле одной из стен был воспроизведен «домик» из двух поставленных шалашиком сырцовых кирпичей (Рапопорт Ю.А., 1971, с. 76).

В Таразе в IX–X вв. обычай захоронения костей в оссуариях был вытеснен захоронениями в хумах и «склепиках». «Склепики» представляли собой сооружения из сырцовых кирпичей, положенных плашмя, на них устанавливались кирпичи, поставленные на ребро и соединенные вершинами (Ремпель Л.И., 1957, с. 109–110, рис. 42.-3, 4). По данным этнографии, в Хорезме существовал обычай сооружать из двух–трех кирпичей миниатюрные имитации «домиков» арвох уйи («дом духа»). Возле некоторых мазаров такие «домики» занимали значительный участок земли (Снесарев Г.П., 1969, с. 111).

Дома для духов предков. Сооружения, посвященные культуре предков, воплощены в разнообразные формы. Представление, что умерший должен иметь жилище, смыкается с аналогичными представлениями, относящимися к его душе (духу). В Хорезме на многих кладбищах имеются погребальные сооружения, в большинстве типичные для Средней Азии, *сагона (согана)* – сводчатой формы склепы (пахсовые, кирпичные), у которых в торцовой стене оставляют небольших размеров узкие окошки четырехугольной формы (Снесарев Г.П., 1969, с. 110). В.А. Гордлевский (1960, с. 198, прим. 8) писал о захоронениях в старой Бухаре: «...в невысоких кирпичных склепах оставлялось отверстие для того, чтобы “дух” покойника мог выйти наружу».

Склепы широко распространены на территории Средней Азии. Они известны в Хорезме, в районе Ташкента, Бухары, Самарканда. Этнографическими исследованиями было зафиксировано, что некоторые локальные группы таджиков совершают захоронения в наземных и полуподземных склепах, напоминающих склепы-наусы. Они были

встречены на северо-западе Ферганы, на Верхнем Зеравшане, в Дарвазе и Гиссарской долине, Ленинабаде и Исфаре (Чвырь Л.А., 1991, с. 196).

Подобные надгробия особенно характерны для мазаров. Они делались из камня, глины и др. Надгробные памятники, воспроизводящие размеры и форму наземного склепа (сагона), сделаны только из глины. Некоторые повторяют формы домиков для светильников чирог-хона. В настоящее время они встречаются в основном на городских кладбищах (преимущественно в Самарканде). Такие надгробия устанавливаются над захоронениями, расположенными рядом с могилами святых (Поляков С.П., Черемных А.И., 1975, с. 272–273).

Духи, обитающие в мазарах, т.е. духи умерших святых относятся к категории «чистых» духов. Среди святых выделялись пиры (духи мифических основателей ремесел) и чильтаны. В эту же категорию входили духи умерших – арвахи и момо. В Самарканде называли также духов ут-учок (узб. *ут* – огонь, *учок* – очаг). Это духи умерших, покровители семейного огня, т.е. духи предков данной семьи. «Чистые» духи имели человеческое происхождение и восходили к культу предков, иногда к культу героев. Духи момо – особые мифические существа, покровительствующие человеку. Они были тесно связаны с продолжением рода, ведали рождением детей и являлись патронессами бабок-повитух. Главной обязанностью повивальной бабки было вызвать духов-момо на место родов. Для этого возжигались ритуальные светильники из ваты, навернутой на камышинку и обмакнутой в масло. По поверью, учуяв приятный для них запах дыма, момо являлись на зов бабки. Число и форма светильников, посвящаемых момо, и места, где их ставили, неодинаковы (Сухарева О.А., 1975, с. 17–19).

«Дома для духов предков» сохранились до настоящего времени в ряде районов Средней Азии. Э.В. Ртвеладзе выделил несколько их разновидностей. Это сооружения типа *чирогхана*, *макчам* и *арвох-уй*, имеющие генетические прототипы в подобного типа древних зданиях Средней Азии. Макчамы по своей архитектуре сходны с кампыртепинскими сооружениями. Территориально близким для памятника в Кулане является *макчам*, открытый в с. Карамурт в Южном Казахстане. Это купольная однокамерная постройка высотой 1,2–1,5 м, шириной до 0,5 м, сложенная из крупноформатного кирпича и покрытая снаружи глиняной штукатуркой. В одной из стен устроен дверной проем, в другой сделано оконце, куда вставляли палку с лоскутом материи. Внутри домика ставили тарелку с золой, в которую втыкали светильники, зажигаемые каждый четверг вечером. Перед входом макчама – «суфа», на нее помещали посуду с едой для духов предков.

Макчамы были односемейными и предназначенными для нескольких семей. Они сооружались во дворе, на поляне в саду. Выраженным сочетанием культа огня и культа предков отличается чирогхана – постройки, широко распространенные в Средней Азии и неоднократно упоминаемые исследователями. Они представляли собой модель купольных зданий с нишей в виде глубокого сводчатого айвана, где помещался *чираг* или лучина. На примере этнографических материалов Э.В. Ртвеладзе (1989, с. 217–219; 2001, с. 69–71, рис. 5–8) показал, что чирогхана отличаются разнообразием вариантов, представленных также миниатюрным повторением различных культовых сооружений.

В Узбекистане на памятнике Каратепе в караханидском слое X–XII вв. был найден предмет в виде полого ящичка со сторонами 15 см, высотой 12 см, в его стенке сделан проем в форме четырехлистника. В оформлении использованы архитектурные элементы – стилизованные изображения пештака и михраба. Внутри были найдены три камешка, поверх которых лежал кусочек горелой ваты. Ш.Б. Шоназаров (2004) соотнес этот предмет с культом огня и с заупокойным культом. С его точки зрения, внутрь предмета мог устанавливаться горящий чираг.

В Хорезме наряду с пережитками семейного почитания очага (огня) были обнаружены реликты общественного проявления этого культа, сохранявшиеся местной дервишской организацией каляндаров (нищенствующих мистиков). Странное почитание огромного очага, занимавшего центр каляндархона (общежития дервишей), вне связи с исламом и суфизмом, по мнению Г.П. Снесарева (1969, с. 192), позволяет генетически сблизить это культовое помещение с алоухона горного Таджикистана и «домами огня» домусульманского Хорезма.

Выше было отмечено, что к входу в святилище огня Кулана вел дорожка, выложенная гранитными плитами красного цвета. Подобными плитами был покрыт двор с водоемом в архитектурном комплексе Луговое-Г, расположенном на расстоянии 200 м. Здесь была открыта молельня IX–X(XI) вв., в реконструкции перекрытая куполом. Молельня входила в число помещений входного комплекса, выстроенных анфиладой и ведущих во внутренний двор. Оформление молельни демонстрирует признаки, характеризующие переходный период от авестийской религии к исламу и в то же время отражает схожие воззрения представителей разных религиозных направлений. В юго-восточной нише восстановлена композиция с изображением Адама и Хавы (Евы) у Древа с плодами. С двух сторон от ниши располагались полуколонны, украшенные наклепными цветами. В стволах полуколонн – скульптурные изображения женщин-фравашей с пере-

крестно сложенными руками. Тимпан ниши украшен эпитафическим орнаментом, имитирующим арабский шрифт. В северо-восточной нише была передана родословная правителей (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2002; 2004; Вайраков К.М., Ternovaja G.A., 2005; Ternovaya G.A., 2013). Вход в молельню предваряло помещение, где имелось возвышение в виде квадратной в плане колонны (0,45×0,45 м). На возвышении находился источник огня, о чем свидетельствует выгоревшая краска, покрывавшая панели и перекрытие.

Святылище огня IX–X(XI) вв., открытое в пригороде средневекового города Кулан, предположительно было связано с культом предков. Этнографические материалы демонстрируют наличие реликтов в погребальной обрядности и культа огня, сохранившихся в некоторых местах Средней Азии и Казахстана до настоящего времени.

G.A. Ternovaya

TO THE QUESTION OF THE CULT OF FIRE IN BURIAL AND FUNERAL RITES OF THE MEDIEVAL INHABITANTS OF THE SEMIRECHYE (ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL MATERIALS)

The purpose of this investigation is definition of a functional purpose and proposed architectural forms of the monuments IX–X(XI) cc. opened in the vicinity of the medieval town of Kulan in the territory of South-West Semirechye (Zhetysu). Inside the buildings fixed ring-shaped sufa (in the middle there are traces of fire, burned for a long time). To solve the problems investigated structures of burial and funeral rites and the cult of fire Semirechye, South Kazakhstan and Central Asia. The monuments are considered in historical perspective since first centuries AD to the ethnographic time. The cult of ancestors was the basis of all religions (it began from the worship of the remains of the dead). Ethnographic materials demonstrate the presence of relics in funeral rites preserved in some areas of Central Asia and Kazakhstan, despite the dissemination of Islam. For example: «House of Ancestral spirits». Some of them saved before nowadays. Exploring of burial structures and monuments is productive to find out some features of pre-Islamic religions and Islam.

Key words: *Kazakhstan, Semirechye (Zhetysu), Middle Asia, the cult of fire, the cult of ancestors, sanctuary, dome constructions, cult architecture, the rites, traditions.*

Библиографический список

- Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат). СПб., 2008. 301 с.
Байпаков К.М. Исследования некрополя Джамуката в Таласской долине // Вестник КазГУ. Сер.: История. Алматы, 1999. №12. С. 36–46.
Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 151–162.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005. 224 с.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. «Парадиз» в загородном дворцовом комплексе владетелей средневекового Кулана // Известия МОН РК, НАН РК. Сер.: Обществ. науки. Алматы, 2002. №1(236). С. 244–268.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резная глина Жетысу. Алматы, 2004. 164 с.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. М., 1963. Т. II. С. 169–546.

Брыкина Г.А. Культы и культовые места в Фергане // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 96–115.

Борисов А.Я. О значении слова «наус» // Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Т. 3. С. 301–311.

Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // ТИАЭ. Алма-Ата, 1960. Т. 8. С. 72–92.

Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1960. Т. 1. 552 с.

Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 85–95.

Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент, 1964. 174 с.

Гудкова А.В. Новые материалы по погребальному обряду VII–VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм) // История, археология и этнография в Средней Азии. М., 1968. С. 214–224.

Дальверзинтепе – Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. 238 с.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986. 428 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996. 398 с.

Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966. 220 с.

Максимова А.Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 95–118.

Мейтарчян М. Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб., 2001. 248 с.

Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966. 153 с.

Неразик Е.Е. Купольная постройка в Якке-Парсанском оазисе ранне-средневекового Хорезма // Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 52–60.

Неразик Е.Е. Хорезм в IV–VIII вв. // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 30–49.

Неразик Е.Е. Формирование раннесредневекового общества в низовьях Амударьи. М., 2013. 374 с.

Нуржанов А.А., Терновая Г.А., Ақымбек Е.Ш. Святилище огня в окрестности средневекового города Кулан // Восхождение к вершинам археологии. Алматы, 2014. С. 498–511.

Поляков С.П., Черемных А.И. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 261–280.

- Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. 127 с.
- Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 50–77.
- Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. М., 1957. Вып. 69. С. 102–110.
- Ртвеладзе Э.В. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыр-тепе // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока. М., 1989. С. 209–250.
- Ртвеладзе Э. Погребально-культовые сооружения Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 2: Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001. С. 65–94.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. 236 с.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Самарканд; Ташкент, 2000. 342 с.
- Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 5–93.
- Толстов С.П. Древний Хорезм: опыт историко-археологического исследования. М., 1948. 440 с.
- Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. 231 с.
- Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997. 267 с.
- Чвырь Л.А. Судьба одного обряда (о бактрийско-таджикских соответствиях в похоронно-погребальной обрядности) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 141–158.
- Шоназаров Ш.Б. Миниатюрный светильник из Каратепе эпохи Караканидов (по археологическим материалам Кашкадарьи) // Новые исследования по археологии Казахстана: тр. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения-15». Алматы, 2004. С. 113–116.
- Vajpakov K.M., Ternovaja G.A. Tönerne Architekturornamentik aus Žetysu // BAND 37-2005. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung Außenstelle Teheran. Berlin, 2005. S. 377–421 (на немец. яз.).
- Ternovaya G.A. Medieval city Kulan in Kazakhstan on the Great silk way // Global Science and Innovation: materials of the international scientific conference. December 17–18th, 2013. Chicago, 2013. Vol. I. P. 26–1266.